

**Конференция «Текстология и историко-литературный процесс», филологический факультет МГУ,
16–17 февраля 2012 г.**

Текстологическая конференция молодых ученых была задумана, организована и проведена аспирантами кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; «старшие товарищи», факультетские преподаватели, присутствовали только как заинтересованные слушатели — случай редкий, если почти не уникальный (известно, что молодежные конференции, например, Дни науки, обычно все-таки и организуются, и проводятся преподавателями). И, между прочим, аспирантам удалось то, что не всегда удается их старшим коллегам: на конференции присутствовали представители очень разных научных школ: МГУ и Тарту, ИМЛИ и ИРЛИ...

Сразу несколько докладов (все — МГУ, среди докладчиков и студенты) были посвящены древнерусской словесности. *А.А. Сухоручкин* («Текстология и язык первопечатного Часослова») говорил о Часословце Швайпольта Фиоля — одном из двух первых славянских изданий, напечатанных кириллицей (1491 г., Краков). Хотя Часословец содержит большое количество южнославянских черт, одна из частей книги — Месяцеслов — имеет много черт русского правописания, в Месяцеслове упоминаются русские святые, и это позволило исследователю сделать вывод об интересной гетерогенности книги: хотя при печати большей части текста использовались среднеболгарские и молдавские источники, однако для Месяцеслова — русские.

К.В. Волкова («Чудовское Евангелие (1-й пол. XVI в.): текстология и палеография») уточнила датировку рукописи (нижний предел устанавливается по филигране и относится к 30-м гг. XVI в., а верхний — по вкладной записи 1547 г.) и показала, что палеография памятника, как и основные мотивы в его оформлении, синтезирует в себе южно-болгарские, греческие и западные черты; орфография отражает второе южнославянское влияние (степень которого можно охарактеризовать как среднюю с расширением); исследовательница установила, что текст Евангелия принадлежит к Афонской, или русско-болгарской, редакции.

Доклад *Л.А. Новицкас* «О Первоначальной редакции Предисловия к сборнику “Великий миротворный круг”» в виде статьи будет опубликован в ближайших номерах «Вестника».

О.А. Кузнецова в докладе «О проблеме взаимоотношения стихотворных текстов XVII в. (на примере двух виршевых предисловий)», сравнивая «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу» и предисловие к «Цветнику», доказывала, что протограф первого предисловия является первоисточником для второго, а изменения, внесенные в текст, обусловлены идеологическими и художественными (жанровыми и стилистическими) причинами. Веиндивидуальный характер формул и традиционных образов-символов, которые сближают эти вирши с известными виршами справщика Савватия, по мнению О.А. Кузнецовой, делает весьма сомнительным практикующийся метод атрибуции стихотворений приказной школы путем сопоставления сходных текстовых фрагментов.

Не беремся судить, о чем свидетельствует отсутствие докладов о XVIII в., но первой трети XIX в., по известной отечественной традиции, оказалось посвящено целое заседание. В частности, речь шла о решении задач научного издания текстов, выборе основной редакции и комментария. Например, в значительной степени именно комментарию к «Письму русского путешественника из Варны» В. Теплякова был посвящен доклад С. Степиной (СПбГУ), описывавшей реминисценции из европейской поэзии, соотнесенность «Письма...» с «Фракийскими элегиями» того же автора, а также возможные причины существенных различий между редакциями двух прижизненных изданий текста.

А.Ю. Соловьев (ИРЛИ) в докладе «Эдиционные проблемы “Путешествия в полуденную Россию” В.В. Измайлова» рассмотрел вопрос об основном тексте этого произведения, известного в двух редакциях — ранней (1800–1802) и поздней (1805). Хотя выбор более поздней редакции кажется естественным и предопределенным принципом следования последней авторской воле, однако литературным фактом для современников была именно первая редакция: ее критиковали, переводили, пародировали, из нее брали отрывки для хрестоматий первой трети XIX в., и это, по мнению докладчика, является достаточным основанием для возможного нетривиального эдиционного решения: выбрать раннюю редакцию как основной текст для научного издания «Памятника».

А.С. Бодрова (ИМЛИ, выпускница МГУ, ученица А.М. Пескова), недавно выпустившая вместе с коллегами в свет очередной том ПСС Боратынского («Вестник» надеется в ближайших номерах поподробнее поговорить об этом замечательном явлении), в своем сообщении сосредоточилась на истории стихотворения Боратынского и Дельвига «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике

низком...», проблемах его датировки и интерпретации. Начиная с издания под редакцией М.Л. Гофмана (1914–1915), эти шуточные гекзаметры традиционно датировались 1819 г., т.е. временем до отъезда Боратынского в Финляндию, однако из писем поэта следует, что до осени 1819 г. он нанимал квартиру не с Дельвигом, а со своим сослуживцем А.И. Шляхтинским, и о последующем переезде Боратынского в 5-ю роту нет никаких сведений. Между тем, как следует из писем сестры поэта Софьи 1822 г., в это время Дельвиг и Боратынский жили на одной квартире, а Семеновский полк как место их жительства называл в своих воспоминаниях Д.А. Эристов. В пользу более поздней датировки сочинения гекзаметров свидетельствует и историко-литературный контекст, по всей видимости, обусловивший появление этих шуточных стихов. Обратив внимание на жанровую окрашенность стихотворного размера (гекзаметр — размер не только эпической поэмы, но и живо обсуждавшейся в начале 1820-х гг. идиллии), А.С. Бодрова предположила, что шуточные гекзаметры Боратынского и Дельвига могли быть пародийным откликом на знаменитую «городскую» идиллию Гнедича «Рыбаки», о чем говорят лексические и сюжетные переклички. Ср.: «На острове Невском, омытом рекою и морем, / Под кущей одною два рыбака жили пришельцы...» (Гнедич) — «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком / Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом» (Боратынский и Дельвиг). Вовлеченность Боратынского и особенно Дельвига в спор об идиллии и их представления об особенностях жанра позволяет объяснить, что могло не нравиться молодым поэтам в гнедичевском опыте «русской народной идиллии» и вызвать к жизни эти пародийные гекзаметры.

Темы и материал секции, посвященной словесности середины XIX в., были довольно разнообразны: помимо собственно текстологических вопросов обсуждались и некоторые другие, связанные с фактологической стороной изучения литературы (в частности, биографии писателей). Работу Ю. Красносельской «Толстой и Нечаев: к уточнению обстоятельства службы Толстого в Санкт-Петербургском ракетном заведении» см. в № 3 «Вестника».

Б. Цимбал («К истории первого издания «Народних оповідань» Марка Вовчка», Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины) оценил степень достоверности сведений о некоем автографе, якобы бывшем источником публикации, автографе, обнаруженном в начале XX в. В. Доманицким и утерянном после его смерти. В результате сличения цензурного экземпляра и первого издания, а также анализа работ Доманицкого, был сделан вывод, что единственным источником

для публикации был все-таки цензурный экземпляр (с внесенной в него правкой издателя, П. Кулиша).

Некоторые докладчики, не вводя в научный оборот новых материалов, демонстрировали возможность решать текстологические вопросы, исходя только из интерпретации известного. *Кс. Герасимова* (МГУ) пыталась определить, чем руководствовался О.Ф. Миллер при составлении книги «Русским детям из сочинений Ф.М. Достоевского»: собственной инициативой или неким предсмертным указанием автора (в переписке Миллера и жены писателя упоминается, что незадолго до смерти Достоевский неоднократно заявлял, что хочет издать книгу для детей, но не уточнял детали своего замысла). Поскольку в сборнике, изданном О.Ф. Миллером, отрывки из произведений Достоевского даны в хронологическом порядке создания текстов и практически без изменений, это, по мнению Кс. Герасимовой, свидетельствует о том, что никакими специальными указаниями Достоевского О.Ф. Миллер не руководствовался.

Потенциальная связь между внешне частными и специальными текстологическими исследованиями и существеннейшими вопросами истории литературы была особенно очевидной в докладе *К. Зубкова* (ИРЛИ), посвященного по видимости частному вопросу о причинах, обусловивших различие между ранней (пространной) и опубликованной (сокращенной) редакциями знаменитого стихотворения Ап. Григорьева «Поэзия и правда». Это сокращение обычно объясняют или цензурным вмешательством (для такого объяснения, по мнению докладчика, нет оснований), или считают результатом обсуждений в московских литературных кругах (К.Ю. Зубков предположил, что текст был изменен под впечатлением от негативного отзыва Ю.Ф. Самарина, обвинившего Григорьева в забвении исключительно значимых персонажей в истории русской литературы). Прояснение судьбы отдельного текста позволило сделать принципиальные суждения об эволюции идеологии «молодой редакции» (обычно позиция «молодой редакции» рассматривается если не как совершенно цельная, то чаще всего как статичная): «Поэзия и правда» рассматривается не только как программное произведение для «молодой редакции» «Москвитянина» (такое отношение к этому тексту, в общем, традиционно), но это и одно из первых произведений, выражающих только что выработанную идеологию кружка, совершенно непохожую на его ранние эстетические теории: для членов «молодой редакции» славянофилы становятся авторитетами, и правка Григорьевым своего стихотворения — проявление новой программы «молодой редакции», ранее оценивавшей славянофильство иронично.

Литература XX в. даже здесь, на конференции со строгими — преимущественно текстологическими — установками спровоцировала участников на все-таки герменевтические (хотя и вполне убедительные) работы, результаты которых, впрочем, могут быть использованы в научном комментарии. *П. Успенский* (Тарту) в докладе, посвященном возможным смыслам названия сборника Ходасевича «Путем зерна», заметил, что они не исчерпываются отсылкой к Библии: привлечение литературного контекста 1917 г. позволяет соотнести это название с революционной крестьянской поэзией, привлечение биографического ряда — увидеть связь с творчеством близкого друга поэта — Муни, памяти которого и посвящена книга. Обнаруживаются дополнительные смыслы и некоторых отдельных текстов сборника (так, для стихотворения «Путем зерна» оказывается актуальным творчество Достоевского). *М. Канатова* (Тарту) указала на стихи Фета и Блока, послужившие подтекстами к стихам Пастернака из сборника «Близнец в тучах»; по наблюдениям исследовательницы, не только стихи Фета и Блока для Пастернака — источник реминисценций, но сами эти поэты (а равно и другие фигуры, появляющиеся в первой книге Пастернака) становятся в «Близнеце» темами текстов. *Н. Поселягин* (МГУ) говорил о некоторых проблемах возможного научного издания так называемой низовой литературы второй половины XIX — первой четверти XX в., представляющей интерес с точки зрения социологии чтения и антропологии культуры (сам докладчик в качестве примера взял Суриковский литературно-музыкальный кружок). Среди необходимых и плохо проясненных к настоящему времени вопросов, которые должны быть освещены в научном комментарии, докладчик упомянул, в частности, влияние творчества Апухтина, Надсона, Фофанова и др. на литературу из народа и ее связи с символизмом (в первую очередь Брюсовым, Бальмонтом, Гиппиус); не всегда ясен социально-политический контекст возникновения этой литературы.

С. Серегина (ИМЛИ) доказывала, что вероятным источником «Песни Солнценосца» Н. Клюева являются лекции Андрея Белого 1917 г. «Александрейский период и мы в освещении проблемы “Восток или Запад”» и «Творчество мира» (текст не сохранился, содержание отчасти восстанавливается на основании посвященных ей газетных откликов, собранных Белым и хранящихся в ОР РГБ (ф. 25, к. 7, ед. хр. 1). Клюев познакомился с Белым незадолго до работы над «Песнью»; они произвели друг на друга сильное впечатление, засвидетельствованное документально; на лекциях Белого Клюев, скорее всего, присутствовал. Отразившиеся в «Песни» Клюева идеи

Белого — это прежде всего представление о жертвенном пути «сраспятия» и о новой эпохе в развитии цивилизации, которая должна начаться с разрешения конфликта между Востоком (народной культурой) и Западом (культурой творческой интеллигенции) и завершиться их взаимным проникновением.

Конечно, изучение литературы XX в. предполагает обращение к архивным материалам, многие из которых впервые оказываются предметом внимания исследователей. *Е. Глуховская* (РГПУ) впервые вводит в научный оборот «Материалы для книги рассказов» Эллиса (ОР РГБ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 21), теоретика и критика, о замыслах которого в области художественной прозы до сих пор не было известно. Планируемая книга (видимо, ни один из задуманных рассказов не был написан) должна была состоять из 11 произведений, схемы двух первых рассказов («Странный матрос» и «Демон истории») представлены подробно: дается общий план повествования, некоторые пункты его затем детально расписываются, включая краткие монологи главного героя. Докладчик, подробно рассматривая план «Странного матроса», приходит к выводу, что в этом замысле отразились наиболее значимые Эллиса темы и идеи, и в первую очередь — идея пути. *А.В. Сысоева* (ИРЛИ) описывала основные способы датировки писем З.Н. Гиппиус к З.А. Венгеровой и Н.М. Минскому, готовящихся к публикации в составе переписки Гиппиус в очередном томе «Литературного наследства». Помимо способов известных и применяемых обычно (например, когда гипотеза строится на содержании текста, упоминаемых в нем событиях и т.п.), обсуждались — и это было самое интересное — некоторые специфические особенности, свойственные письмам именно Гиппиус: например, было показано, как дата, поставленная самим автором, может включаться в смысловое поле письма. Внешний вид письма мог обладать особым символическим значением (например, любовные письма написаны на красной бумаге и вложены в красные конверты), и благодаря повышенному вниманию Гиппиус к эстетической составляющей внешней стороны переписки можно определить, в какой конверт было вложено письмо, и провести датировку по почтовому штемпелю. *А. Муляева* (Саратовский гос. ун-т, «К проблеме публикации статей В.П. Полонского (неопубликованные статьи для журналов “Печать и революция” и “Новый мир”»)) представила результаты работы с хранящимися в РГАЛИ материалами В.П. Полонского, в 1920-е гг. редактировавшего ведущие журналы Советской России. *Е. Тюрина* (ИМЛИ, «О текстологических принципах подготовки академического собрания сочинений М.А. Булгакова на примере повести “Собачье сердце”»),

анализируя все три сохранившиеся авторизованные машинописи (и привлекая архивные материалы), предлагает новую их датировку машинописей и показывает, что именно в третьей машинописи зафиксирован последний этап работы Булгакова над текстом.

Специальная секция конференции была посвящена проблеме трансформации текста в литературном переводе, а также и судьбе самого перевода как особого литературного произведения (который, как и любой другой, может быть искажен и проч. — и может, следовательно, стать предметом внимания текстолога.

А.С. Борисова (ИСАА, «Японские переводы Книги Псалтирь: переосмысления и искажения») говорила о трансформациях библейского текста, обусловленных разницей систем древнееврейского и японского языков, сформировавшихся под влиянием принципиально различных дискурсов. Архаический иудаизм представлял собой метанарратив, подразумевавший жесткую иерархию универсума, организованного вокруг центрального концепта, а также высокое значение субъекта; между тем японский синтоизм, напротив, констатирует единство универсума, отсутствие единственно возможной истины. Различие мировоззрений повлияло на выбор лингвистических конструкций, многие тропы оригинала с трудом поддавались переводу в рамках японской литературной словесности.

Собственно текстологический сюжет был представлен в докладе В.С. Полиловой (МГУ) «Перевод «Песни о моем Сиде» Б.И. Ярхо и его редакции», посвященном сравнению сохранившейся рукописи перевода испанского эпоса, выполненного Б.Я. Ярхо во второй половине 1930-х гг., с печатным вариантом, прошедшим правку Ю.Б. Корнеева и А.А. Смирнова и вышедшим в 1959 г. Оказалось, что редакции подверглись около 30% строк перевода Ярхо, в результате чего были последовательно стерты или сглажены основные черты его творческой манеры. При этом правка заключалась главным образом в замене всех старинных и редких оборотов речи и модернизации имен собственных, т.е. в удалении следов сознательной установки Ярхо на архаизацию и «отдаление» текста от читателя. Разнообразие используемых стилистических и даже языковых регистров, принципиальное для Ярхо-переводчика, оказалось неприемлемым для его редакторов.

Доклад *Ф. Лаццарин* (Падуя) «Н.С. Гумилев — переводчик и редактор французской поэзии во «Всемирной Литературе» в виде статьи см. в № 3 «Вестника».

Интерес молодых филологов к такой специальной и «сухой» области науки, как текстология, интерес, проявленный так дружно,

может быть, говорит о некоторых существенных тенденциях в современной гуманитарной мысли (о кризисе доверия к герменевтике?), но, в любом случае, приводит к конкретным научным результатам. Напоследок заметим, что у организаторов есть планы сделать текстологические конференции на филологическом факультете МГУ ежегодными.

И.И. Иванов